

УДК 882:378.147.34

**СЕМИОТИКА ПОВЕДЕНИЯ ГЕРОЕВ
РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПОДРОСТОК»**

Александр Исаакович Саркисов

доцент

asarkisov1957@me.com

Сергей Серафимович Кудрявкин

кандидат филологических наук, доцент

sks.filolog@mail.ru

Павел Сергеевич Кудрявкин

студент

Мичуринский государственный аграрный университет

Мичуринск, Россия

Аннотация. Предметом наблюдений в настоящей статье становятся 1) знаковый контент поведения героев романа Ф.М. Достоевского «Подросток», а также 2) особенности прочтения/понимания этих знаков героями-реципиентами.

Ключевые слова: десигнат, законодатель, интенциональная рецепция, интерпретация, интуиция, полифонизм, реципиент, семиология, семиотика, ситуационный контекст.

Настоящая статья завершает ряд работ по семиосфере романа Ф.М. Достоевского «Подросток». Предметом наблюдений в данном исследовании становятся 1) знаковый контент поведения героев романа, то есть жестов, специфики общения, поступков; а также 2) особенности прочтения/понимания этих знаков героями-реципиентами.

Произведения художественной литературы, таким образом, рассматриваются авторами предлагаемой статьи как семиотический объект, что не противоречит фундаментальным исследованиям в области семиотики ее основателей – ученых тартуско-московской семиотической школы. Труды последних [См.: 3] и послужили методологической базой данной работы.

Семантика некоторых поведенческих знаков достаточно традиционна и легко определяема. Таков, например, несложный вывод Аркадия об острологии Версилова: *«Один из признаков его веселого расположения – это когда он принимается надо мною острить»* [2, Т.13, С.86]. Элемент поведения (общения) в данном случае выступает знаком конкретного эмоционального состояния – веселости.

В то же время сама веселость и ее физическое поведенческое выражение – смех – являются знаком, по мнению главного героя романа, выдающим человека *"с руками и ногами"*. *«Иной характер долго не раскусите, а рассмеется человек как-нибудь очень искренно, и весь характер его вдруг окажется как на ладони»* [2, Т.13, С.285], – размышляет Подросток. И далее: *«...я понимаю лишь то, что смех есть самая верная проба души...»* [2, Т.13, С.286]. Правда, "расшифровка" знака в приведенных примерах лишена конкретики: смех может означать как позитивное, так и негативное в характере смеющегося. Но знаковость смеха бесспорна, а уж правильно "прочитать" её – дело реципиента.

Явная размытость знакового контента видна и в следующей попытке Аркадия выяснить внутреннее состояние Версилова по внешним знакам-признакам. *«В его голосе сверкал милый, дружественный, ласкающий смех... что-то вызывающее и милое было в его словах, в его светлом лице...»* [2, Т.13,

С.219]. В качестве закононосителей выступает целый ряд поведенческих черт – смех, голос, речь, мимика. И всё равно, Подросток не берется конкретизировать настроение отца. Для Аркадия очевидно лишь то, что в целом Версиров настроен на позитив и его поведение исполнено *чем-то милым*. Определение знаковой семантики в данном случае носит во многом интуитивный характер.

Но нередко интуиция героев романа и "подводит". Один из примеров – поиски Олей квартиры, где якобы ищут учительницу. Будучи жестоко обманутой, и, не зная, что, на самом деле, она пришла в публичный дом, Оля уточняет у дворника, где квартира номер такой-то. *«Дворник, говорит, и поглядел на меня: "А вам чего, говорит, в той квартире надоть?" Так странно это сказал, так, что уж тут можно б было спохватиться...»* [2, Т.13, С.144]. Интуиция "срабатывает" только частично. В манере общения дворника героиня сумела уловить что-то странное, но окончательно своего собеседника не поняла и "прочитала" его поведение как непочтительность и грубость, не почувствовав предостережения.

Интуиции могло бы помочь знание контекста. Но таковым героиня не обладала. Как и главный герой, Подросток, в другом, более ярком примере. Мы имеем в виду посещение Аркадием квартиры Крафта накануне самоубийства последнего. Помимо ряда весьма красноречивых деталей в интерьере, само поведение знаменитого героя-немца, разочаровавшегося в русской идее, за несколько часов до смерти было буквально переполнено знаками-предвестниками мрачного события. Из деталей отметим револьвер, выложенный на стол перед диваном. Он, кстати, вызвал-таки недоумение Подростка: *«Неужели, чтоб доехать до Вильно, револьвер нужен?»* [2, Т.13, С.61].

Затем, обозначенная Крафтом конечная цель предполагаемого путешествия – Америка! Это, безусловно, знак самого Достоевского, яркий маркер, которого Аркадий, зная, конечно, не мог. Но зато читатель должен отлично помнить "намечаемый" маршрут другого псевдоязера – Свидригайлова из более раннего «Преступления и наказания». Тот тоже

собирался якобы в Америку, а на самом деле закончил жизнь дождливой ночью на окраине Петербурга.

Наконец, собственно поведенческие знаки: Крафт *«говоря, <...> смотрел как-то в воздух, начинал фразы и обрывал их. Особенно поражало какое-то уныние в его голосе»* [2, Т.13, С.54]; *«...спросил он как-то сурово и смотря в землю...»* [2, Т.13, С.60]; *«Он рассеянно улыбнулся и, странно, прямо пошел в переднюю, точно выводя меня сам, разумеется не замечая, что делает»* [2, Т.13, С.61].

Однако все указанные знаки, практически, Аркадием были не "прочитаны" и остались "непроявленными". Последняя дефиниция видится удачной в свете того, что после самоубийства вся система знаков отчетливо высвечивается как на фотобумаге в момент проявления. Почему этого не сумел заметить Аркадий до трагедии? Конечно, многое можно списать на неопытность и невнимательность героя, его увлеченность другими вопросами. К тому же, как следует из описаний Подростка, интуитивные импульсы тревоги в доме Крафта постоянно давали себя знать. Аркадий замечает: *«Очень помню, что мне было как-то удивительно на него»* [2, Т.13, С.60]. Сюда же нужно добавить неоднократные ремарки Подростка о замеченных им странностях и необычности поведения Крафта из цитированного выше. И тем не менее Аркадий недвусмысленно честно признается, что всё это *«вовсе без малейшей задней мысли: и мысли даже не было!»* [2, Т.13, С.61].

Таким образом, причин непонимания подлинной сути поведенческих знаков как минимум две: отсутствие сильно развитой интуиции и незнание (полное или неполное) ситуационного контекста. Невладение обстоятельствами способно спровоцировать ошибку восприятия поведения того или иного героя, тем более, если реципиент имеет уже сложившееся к нему (герою) или обстоятельствам отношение. В таком случае мы имеем дело с так называемой интенциональной рецепцией.

Аркадий набирает в долг немалую сумму у своего приятеля князя Сергея. Для Подростка просьба денег займы и получение таковых носят знаковый

характер: эти акты воспринимаются им как проявление высокой дружбы двух молодых людей, знаки взаимоуважения и взаимодоверия. Такая рецепция со стороны Аркадия вызвана его убежденностью в дружеских отношениях с князем и, как следствие этой веры, получает соответствующую направленность (интенцию).

Совершенно иначе оценивает создавшуюся ситуацию князь Сергей. Он полагает, что Аркадию давно известно о его интимной связи с Лизой, сестрой Аркадия. По мнению вдруг прозревшего Подростка, князь *«...вполне вообразил, что я уже давно догадался о его связи <...>, но молчу или даже подымаю нос и похваляюсь "честью" – вот что он даже мог обо мне подумать! И за сестру, за позор сестры беру деньги!»* [2, Т.13, С.238]. Обращения за деньгами к нему Аркадия для князя становятся знаком подлости и нравственной низости наглого приятеля. Очевидно, что сложившаяся неверная точка зрения молодого князя и обусловила столь негативную интерпретацию действий Подростка и задала указанный вектор рецепции.

Но наиболее интересный случай проявления интенциональной рецепции в рассматриваемой ситуации, на наш взгляд, связан с Версиловым. Он знал как всю подноготную взаимоотношений князя и Лизы, так и то, что Аркадий одалживается у князя. На гневный вопрос Подростка, как мог он, *"подозревая хоть на каплю, что я знаю о связи Лизы с князем, и видя, что я беру у князя деньги, – как могли вы говорить со мной, сидеть со мной, протягивать мне руку, – мне, которого вы же должны были считать за подлеца"* [2, Т.13, С.241], Версилов со свойственной ему невозмутимостью отвечает: *«Почему ты знаешь, не боялся ли я <...> свой "идеал" потерять и, вместо моего пылкого и честного мальчика, негодяя встретить?»* [2, Т.13, С.241-242].

Иными словами, у Версилова существует давно сложившееся позитивное мнение о Подростке. И эта направленность восприятия (интенция рецепции) выступает своего рода запрещающим психологическим механизмом оценки знакового поведения Аркадия. Если угодно, это "страусиная" рецепция

человека, не желающего иметь дело с реальной действительностью и предпочитающего не замечать знак.

Аналогичным примером может служить оценка поведения теперь уже князя Сергея Аркадием и Лизой. *«Он – я его изучил – он мрачный, мнительный, может быть, он очень добрый, пусть его, но зато в высшей степени склонный прежде всего во всем видеть злое...»* [2, Т.13, С.239], – делает своё, в целом негативное, заключение Подросток, перечисляя ряд характерных, с его точки зрения, черт поведения своего друга.

Сестра незамедлительно вступает с братом в полемику: *«Портрет бы верен, – улыбнулась Лиза, – но ты слишком на него зол за меня, а потому и ничего не верно. Он с самого начала был к тебе недоверчив, и ты не мог его всего видеть, а со мной еще с Луги...»* [2, Т.13, С.239]. Далее она перечисляет фактически те же черты, что называл Аркадий, но трактует их в положительную сторону. Следует обратить внимание на лизино *"ты слишком на него зол за меня"*. В сущности, Лиза указывает на всё ту же интенциональную рецепцию Аркадия: субъективное понимание контекста обстоятельств задает и соответствующую направленность связанного с ними восприятия.

Густав Шпет, один из основателей праматеринской по отношению к семиотике науки герменевтики, выделял в последней такие два направления, как: признающее 1) однозначность интерпретации и 2) её многозначность. Семантика смысла интерпретируемого при этом, в первом случае, предполагается как «нечто предметно-объективное», а во втором, как «психологически-субъективное» [См.: 4]. «Во втором случае слово указывает только намерения, желания, представления сообщаемого и интерпретация так же свободна и даже произвольна, как свободно желание сообщаемого вложить в свои слова любой смысл или много смыслов, поскольку это соответствует его намерениям...» [4, С.235].

Несомненно, что все рассмотренные выше трактовки героями романа поведения Аркадия или князя Сергея могут быть отнесены к психологически-субъективному типу. Но достаточно важной видится и принципиально иное.

Специфика героев Достоевского, на фоне других героев русской, да и мировой литературы, заключается прежде всего в их невероятной сложности и противоречивости. Как и само идейное содержание произведений писателя. Многозначность интерпретаций идейного контента романов и повестей Достоевского позволила М.М. Бахтину ввести в литературоведение ставший давно уже хрестоматийным термин *полифонизм* [См.:1]. Напомним, что полифония как особенность романов Достоевского подразумевает не просто «множественность различных характеров и судеб в едином объективном мире в свете единого авторского сознания, <...> но именно множественность равноправных сознаний с их мирами» [1, С.2]. Взаимоисключающие идеи сосуществуют в романах бок о бок и также равноправно развиваются, коррелируя друг с другом в необычном звучании.

В связи с этим различия в трактовках поведения князя Сергея Аркадием и Лизой возможно объяснить не только субъективными факторами, но и объективной неоднозначностью самого закононосителя, сочетающего в себе черты как благородного, так и слабохарактерного и мелочного человека.

Полифоничной может оказаться и собственно оценка одного героя другим, если герой-закононитель располагает к этому. Вот, например, еще одна трактовка Лизой того же князя Сергея. Знаковый характер в данном случае приобретает способ оценивания. Любопытно, что осуществляется он в невербальном ключе, исключительно с помощью знаков-жестов, успешно читаемых Подростком. *«Она как будто говорила всем нам поминутно (повторяю: не произнося ни слова): "Ведь вы никто так не сделаете, ведь вы не предадите себя из-за требований чести и долга; ведь у вас ни у кого нет такой чуткой и чистой совести? А что до его поступков, то у кого нет дурных поступков на душе? Только все их прячут, а этот человек пожелал скорее погубить себя, чем оставаться недостойным в собственных глазах своих". Вот что выражал, по-видимому, каждый жест ее...»* [2, Т.13, С.293]. В то же время Аркадий отчетливо прослеживает в чертах поведения сестры и прямо противоположные мысли: *«Другой, ясной половиной своего рассудка она*

непрерывно должна была прозревать всю ничтожность своего "героя"; ибо кто ж не согласится теперь, что этот несчастный и даже великодушный человек в своем роде был в то же время в высшей степени ничтожным человеком? Даже самая эта заносчивость и как бы накидчивость ее на всех нас, эта непрерывная подозрительность ее, что мы думаем об нем иначе, – давала отчасти угадывать, что в тайниках ее сердца могло сложиться и другое суждение о несчастном ее друге...» [2, Т.13, С.292-293]. Плюсы и минусы в лизинной интерпретации соответствуют плюсам и минусам характера князя и вместе работают на создание противоречивого, но живого и объемного образа обычного для произведений Достоевского героя.

Семиотика поведения героев Достоевского, таким образом, определяется их запутанным и изломанным внутренним миром; иногда одновременным полифоническим созвучием нескольких дисгармонирующих мотивов; иногда каким-то единственным мощным императивом. Безошибочно "прочитать" знаковые поступки одних героев романа другим, героям-реципиентам, разгадывающим психологические парадоксы своего великого создателя, нелегко. Читателю, в известном смысле, легче: знаковый контент поведения героев не выходит за рамки идейно-художественных особенностей творчества писателя в целом и органично с ними коррелируется.

Список литературы:

1. Бахтин, М.М. Проблемы поэтики Достоевского – М.: Худож.лит., 1972. – 464 с.
2. Достоевский, Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. / Ф.М. Достоевский. – Л.: Наука, 1972 – 1988.
3. Лотман Ю.М. Семиосфера – СПб.: Искусство-СПБ, 2001. – 704 с.; Почепцов, Г.Г. Русская семиотика / Г.Г. Почепцов. – М.:«Рефл-бук», К.: «Ваклер», 2001. – 768 с.; Почепцов, Г.Г. Семиотика / Г.Г. Почепцов. – М.:«Рефл-бук», К.: «Ваклер», 2002. – 432 с.; Семиотика: Антология / Сост.

Ю.С. Степанов. – М.: Академ.проект, 2001. – 702 с.; Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. – М.: Гнозис, 1994. – 443 с.

4. Шпет Г.Г. Герменевтика и ее проблемы // Контекст. 1989. М., 1989. С.231-268.

UDC 882:378.147.34

**SEMIOTICS OF THE BEHAVIOR OF HEROES ROMANA
F.M. DOSTOYEVSKY "TEENAGER"**

Alexander I. Sarkisov

Associate Professor

Sergey S. Kudryavkin

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

Pavel S. Kudryavkin

student

Michurinsk State Agrarian University

Michurinsk, Russian Federation

Abstract. The subject of observations in this article is 1) the sign content of the behavior of the characters in the novel by F.M. Dostoevsky's "Teenager", as well as 2) features of reading/understanding of these signs by the heroes-recipients.

Key words: designatum, sign carrier, intentional reception, interpretation, intuition, polyphony, recipient, semiology, semiotics, situational context.

Статья поступила в редакцию 10.02.2022; одобрена после рецензирования 10.03.2022; принята к публикации 25.03.2022. The article was submitted 10.02.2022; approved after reviewing 10.03.2022; accepted for publication 25.03.2022.